

Сновидения в сюжетах «Оставшихся сведений [о] трех государствах»

Ю.В. БОЛТАЧ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO106544

Статья поступила в редакцию 26.12.2021.

Аннотация: Статья содержит классификацию и анализ упоминаний о сновидениях в «Оставшихся сведениях [о] трех государствах» (*Самгук юса*) — произведении корейского буддийского монаха Ирёна (1206–1289), представляющем собой обширную систематизированную подборку материалов по истории Кореи с древнейших времен и до конца XIII в. На основе функций этих упоминаний в тексте, а также степени буддизации соответствующих сюжетов в статье разрабатывается их классификация по двум группам: образные сновидения, в наглядной форме предвещающие неотвратимые будущие события, и сновидения-беседы, в которых сверхъестественные существа стремятся повлиять на поведение героя. Эти две группы, в свою очередь, подразделяются на отдельные подгруппы, особое место среди которых занимают сюжеты о встречах людей с персонажами буддийского пантеона. На основе данных буддийского канона высказывается предположение, что на универсальную схему «вещего сна» в этих сюжетах накладывается буддийское представление о том, что характер подобной встречи (во сне или наяву) отражает степень духовной зрелости героя.

Ключевые слова: ранний корейский буддизм, сновидения, «Оставшиеся сведения [о] трех государствах».

Для цитирования: *Болтач Ю.В.* Сновидения в сюжетах «Оставшихся сведений [о] трех государствах» // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 2 (вып. 49). С. 37–50. DOI: 10.55512/WMO106544.

Об авторе: БОЛТАЧ Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (julia.boltach@gmail.com). ORCID: 0000-0001-9325-7101.

© Болтач Ю.В., 2022

«Оставшиеся сведения [о] трех государствах» (*Самгук юса*, далее — СЮ) — произведение корейского буддийского монаха Ирёна (1206–1289), которое представляет собой обширную систематизированную подборку материалов по истории Кореи с древнейших времен и до конца XIII в. Основной массив зафиксированных в СЮ сведений относится к эпохе существования трех корейских государств: Когурё (37 г. до н.э. — 668 г. н.э.), Пэкче (18 г. до н.э. — 660 г. н.э.) и Силла (57 г. до н.э. —

935 г. н.э.), — а также государства Карак (42–532/562). Основной текст СЮ включает в себя 139 параграфов, в 28 из которых нами было выявлено по одному или несколько эпизодов¹, составным элементом которых является сновидение героя: § 14, 22, 35, 36, 37, 40, 46, 52, 60/1–3, 64, 73, 77, 79/1–2, 83, 84, 86/1–3, 88, 93, 103/1–5, 104/1–2, 105, 114, 115/1–2, 116/1–2, 128, 129, 135, 136/1–2.

Общим признаком упоминаний о снах в СЮ является то, что они трактуются в этом памятнике сугубо в религиозном ключе (как знамения или свидетельства контакта с высшими силами), и поэтому эти повествования могут быть использованы для изучения духовной культуры древней Кореи, в частности религиозных верований корейцев.

Функция снов в повествовании может быть двоякой: они или позволяют герою прозреть какие-либо абсолютно неотвратимые и неподвластные ему события, или, напротив, изменяют ход его судьбы через воздействие на его поведение. Источник получаемой героем информации может быть как обезличенным (герою просто снятся определенные события или символические образы), так и персонализированным (герой получает информацию от конкретного собеседника). Кроме того, эти повествования отличаются степенью своей буддизации. Исходя из этих критериев, можно выстроить следующую классификацию интересующих нас сюжетов СЮ.

1. Предания о сновидениях, которые самопроизвольно являют герою сокрытые от глаз события, обычно относящиеся к будущему. Эти события могут быть представлены во сне прямо или в символической форме. Информация в таких снах приходит к сновидцу естественным образом, сама собой, а не сообщается ему намеренно кем-либо. Соответственно, в данных сюжетах СЮ отсутствует элемент целеполагания, т.е. эти сны не направлены на то, чтобы повлиять на дальнейшее поведение героя, а просто представляют ему ожидающую его судьбу, противостоять которой не в его власти — он может ей только содействовать, и то в малой степени. Поскольку такие сновидения имеют образный (а не словесный) характер, они нуждаются в вербализации, производимой самим сновидцем или профессиональным гадателем.

Эту группу сюжетов можно разбить на две подгруппы.

1.1. Сновидения, прямо показывающие предвещаемые ими события.

§ 35. Когурёский государь ночью увидел во сне, что казненный им предсказатель Чхунам, поклявшийся стать после смерти полководцем и уничтожить Когурё, вошел в лоно жены силлаского князя Сохён-кона. Приближенные государя решили, что Чхунам исполнит свою клятву (Ирён 2018: 274–275). Добавим, что родившимся у Сохён-кона ребенком был будущий полководец Ким Юсин, в 668 г. действительно сокрушивший Когурё.

§ 40. Князю Сульчжон-кону и его домочадцам приснилось, что в дом пришел друг князя, живший на перевале Чукчи-рён. Впоследствии князь узнал, что этот человек как раз тогда умер, и решил, что тому предстоит родиться в его семье. Супруга князя действительно забеременела и родила мальчика, которого назвали Чукчи (Ирён 2018: 320–321).

¹ Словом «эпизод» мы условно называем как сюжетные повествования о сновидениях, так и упоминания о снах, используемые в качестве художественного приема в «оценках» Ирёна. Если параграф содержит несколько таких эпизодов, мы условно обозначаем их порядковыми номерами, указываемыми через косую черту после номера параграфа.

§ 73. Пэкческому мастеру Абичжи, строившему пагоду силлаского монастыря Хваннён-са, представилась во сне грядущая гибель Пэкче, и он отказался от дальнейшей работы, но затем, устрешенный чудесами, все же завершил постройку (Ирён 2018: 507). Поясним, что строительство этой пагоды, предпринятое для защиты Силла от девяти соседних государств (в том числе Пэкче), началось в 643 г., и уже спустя семнадцать лет, в 660 г., Пэкче было уничтожено в результате вторжения союзной китайско-силлаской армии.

Сюжеты этой подгруппы отражают универсальную веру в сны как источник прямой или косвенной информации о сокрытых от глаз событиях, и поэтому эти повествования едва ли могут быть полезными для изучения особенностей дальневосточных религиозных верований. Эти упоминания, однако, помогают понять расстановку смысловых акцентов в повествовании, поскольку подобные сообщения используются для подчеркивания значимости связанных с ними исторических фактов через дополнительное указание на их предопределенность свыше.

1.2. Символические сновидения, требующие дополнительного толкования.

§ 36. Сестра полководца Ким Юсина увидела во сне, как она поднялась на гору и, помочившись, затопила всю столицу. Наутро ее младшая сестра попросила продать ей этот сон. Спустя некоторое время купившая сон девушка вышла замуж за будущего государя Тхэчжона, и рождение ею шестерых сыновей было истолковано как осуществление знамения из сна (Ирён 2018: 276–278).

§ 46. Будущему государю Вонсону приснилось, что он снял головную повязку, надел некрашеную шляпу, схватил двенадцатиструнную цитру и бросился в колодец монастыря Чхонгван-са. Первый гадатель истолковал этот сон в смысле утраты должности, заковывания в колодку и заключения в тюрьме. Второй гадатель сказал, что Вонсон, возвысившись над всеми людьми, будет увенчан тиарой и подвесками, что двенадцать поколений его потомков будут пребывать на престоле и что он вступит в дворцовые покои. Прав оказался второй гадатель (Ирён 2018: 334–336).

§ 60/2. Супруга основателя государства Карак увидела сон о поимке черного и белого медведей, после чего произвела на свет наследника (Ирён 2018: 423–424).

§ 103/1. Будущей матери наставника Чачжана пригрезилось, что ей за пазуху упала звезда, и тогда эта женщина понесла ребенка (Ирён 2018: 659).

§ 104/1. Будущая мать наставника Вонхё увидела во сне, что падающая звезда влетела ей за пазуху, и забеременела (Ирён 2018: 671).

§ 105. Китайскому наставнику Чжияню накануне встречи с его корейским учеником Ыйсаном приснилось, что в Корее выросло большое дерево, чьи ветви и листья достигли Китая. На этом дереве было гнездо феникса, где находилась сияющая жемчужина-мани. Наутро Чжиянь с почетом принял явившегося к нему Ыйсана (Ирён 2018: 677).

§ 114. Будущая мать наставника Мённана увидела во сне, что проглотила синюю жемчужину, после чего понесла ребенка (Ирён 2018: 733).

Эта подгруппа сюжетов может рассматриваться как источник сведений о системе образных ассоциаций, характерных для китайской и корейской культур. Так, сон о медведях с древних времен считался в Китае предзнаменованием рождения сына — это поверье упоминается уже в «Каноне стихов» (*Ши цзин*):

Серый и черный приснился медведь² —
То сыновей предвещающий знак (Шицзин 1987: 156).

Мотив сна о проглатывании некоей вещи (знаменующем рождение необыкновенного ребенка) также встречается в древнекитайской литературе — в качестве примера можно указать на зафиксированную в «Исторических записках» (*Ши цзи*) легенду о том, как мать иньского императора Се увидела во сне, что проглотила яйцо ласточки, после чего забеременела (Сыма Цянь 1972: 166). В сюжетах СЮ, однако, этот мотив буддизирован — в роли проглатываемого предмета выступает жемчужина-*мани*, т.е. чудесная драгоценность, имеющая силу исполнять желания.

Получаемая при анализе символических сновидений информация, однако, не всегда является достаточно определенной, потому что их интерпретация даже самими носителями дальневосточной традиции могла быть неоднозначной (ср. противоположные толкования одного и того же сна в § 46).

2. Повествования о сновидениях, в которых герой получает предписания от сверхъестественных существ. Волеизъявление этих существ может быть облечено как в вербальную, так и в невербальную форму. Независимо от способа сообщения, получаемая сновидцем информация имеет более или менее выраженный императивный характер, т.е. побуждает героя совершить в будущем какое-либо действие или же продолжать уже начатую им деятельность (сюда же мы относим благодарность за уже совершенные героем поступки, поскольку она может быть расценена как одна из форм поощрения его поведения).

Повествования этой группы можно разбить на две подгруппы.

2.1. Сюжеты, в которых собеседниками героя выступают непросветленные существа — небожители, духи, призраки умерших.

Эти повествования, в свою очередь, можно подразделить на две категории.

2.1.1. Небуддизированные предания, в которых посещение сновидца духом или небожителем предпринимается с целью решения сугубо мирских задач.

§ 14. Аранбуль, сподвижник государя Северного Пуё, увидел во сне небожителя Тяньди, который сообщил, что он собирается поручить своим потомкам основать государство в этих землях и поэтому государю Пуё следует удалиться на побережье (в комментарии Ирёна эти слова Тяньди толкуются как пророчество о скором возвышении государя Тонмёна, основателя Когурё). Государь Пуё перенес столицу в указанное место (Ирён 2018: 219). Можно предположить, что это повеление Тяньди служит мифологическим отражением реального исторического факта — возвышения Когурё и подчинения им других древнекорейских протогосударств, в том числе Пуё.

§ 22. Спустя много лет после своей смерти государь Тхархэ ночью явился во сне своему прямому потомку, главе рода Сок, приняв образ величественного старца. Он назвал свое имя и повелел достать свои кости из могилы, вылепить статую и поместить ее на горе Тхохам-сан. Государь Мунму-ван (661–681) исполнил волю Тхархэ и учредил на горе Тхохам-сан официальные жертвоприношения в его память (Ирён 2018: 241). Поясним, что к указанному времени власть в государстве Силла, изначально принадлежавшая трем родам — Пак, Сок и Ким, была давно монополизирована родом Ким. Возобновление культа Тхархэ, основателя рода Сок, возможно, бы-

² «Серый и черный медведь» — в оригинале те же иероглифы, что в СЮ: *сюн* 熊 — «гималайский медведь» и *ти* 熊 — «бурый медведь».

ло направлено на дополнительную легитимацию власти правителя, тем более что это событие произошло в весьма турбулентную для Кореи эпоху, когда многовековое соперничество Когурё, Пэкче и Силла завершилось объединением трех государств под властью силласких правителей.

§ 52. Задержанный бурей у морского острова посланец по совету гадала принес жертвы местному духу, и тот, представ перед ним ночью во сне в облике старца, повелел оставить на берегу искусного стрелка. Воин, покинутый на острове, по просьбе духа застрелил его заклятого врага — старого лиса, за что дух отдал ему в жены свою дочь и помог вернуться на родину (Ирён 2018: 354–356). Здесь эпизод со сновидением составляет часть местной легенды, предположительно имеющей глубокие мифологические корни³.

§ 60/1. Государю индийской страны Айодхья и его жене явился во сне небожитель Шанди, который приказал им отправить их дочь на корабле в государство Карак, чтобы она стала супругой государя Суро-вана (Ирён 2018: 420). Это предание дополнительно возвышает фигуру Суро-вана в глазах читателя, подчеркивая, что он не только женился на индийской принцессе, но и сделал это по воле царя небожителей.

2.1.2. Буддизированные сюжеты, в которых темой разговора между сверхъестественным посетителем и человеком служит обретение благих заслуг.

§ 37. Государю Тхэчжону явились во сне духи двух погибших в бою полководцев, которые попросили его добавить им сил, чтобы они могли по-прежнему защищать страну. Тхэчжон повелел ради них толковать канонические тексты, а также основал монастырь Чанъи-са (Ирён 2018: 298–299). Эта ситуация имела место в критически важный для Силла момент — во время войны против Пэкче.

§ 115/1. Задумавшей ремонт храма буддийской монахине Чихе привиделась во сне даосская бессмертная, изъявившая желание пожертвовать золото на позолоту алтарных статуй, создание живописных изображений пятидесяти трех Будд⁴ и других персонажей буддийского и местного пантеона, а также на регулярное проведение религиозных собраний. Проснувшись, Чихе нашла указанное количество золота под престолом статуи этой бессмертной и исполнила ее просьбу (Ирён 2018: 736–737).

§ 115/2. Дракон из пруда Кульбуль-чи, обратившись во сне к некоему неназванному властителю эпохи Корё, попросил его открыть на горе Ёнчху-сан посвященное Будде Бхайшаджьягуру место обретения Пути и успокоить морские дороги (это упоминание содержится во внутритекстовом комментарии Ирёна, где проводится параллель между этим преданием и повествованием о сне Чихе) (Ирён 2018: 737).

§ 116/2. Наставнику Хвэгёну, восстанавливавшему монастырь Побван-са, приснился некий древний старец, который оставил ему одну туфлю из конопли и одну туфлю из пуэрарии (Ирён 2018: 744). Символический смысл этого действия не комментируется никак, но, поскольку рядом с этим повествованием помещено сообщение о том, что некий местный дух пожертвовал дерево на нужды строительства, мы можем предположить, что интересующий нас эпизод должен иметь сходное содержание, т.е. указывать на одобрение этим старцем деятельности Хвэгёна («древний старец» — обычное обличье, которое в легендах СЮ принимают являющиеся людям местные духи).

³ Этот сюжет был детально проанализирован М.И. Никитиной, предположившей, что за ним стоит реконструированный ею древнекорейский миф о Стелке-Солнце и двух хозяевах стихий (Никитина 1982: 181–231).

⁴ Пятьдесят три Будды — Будды прошлого, имена которых перечисляются в § 4 «Проповеданной Буддой сутры Амитаюса» (Проповеданная Буддой сутра Амитаюса 2021: 55–58).

§ 135. После смерти матери наставник Чинчжон погрузился в семидневное созерцание, а потом попросил своего учителя дать наставления для большого собрания учеников. После этого мать Чинчжона явилась ему во сне и сообщила, что родилась среди небожителей (Ирён 2018: 801).

§ 136/1. Знатный юноша Тэсон увидел во сне убитого им медведя, пригрозившего пожрать его. Тэсон взмолился о пощаде, и медведь потребовал построить ради него монастырь. Проснувшись, Тэсон отказался от охоты, а на месте убийства медведя воздвиг буддийский храм (Ирён 2018: 803–804).

§ 136/2. Завершающая параграф стихотворная «оценка» Ирёна, которая содержит такие строки:

[В] софоры дворе [сын прозрел в] одном сне,
[что] было, [что] будет, [что] есть (Ирён 2018: 806).

Включение отсылки к рассмотренному выше эпизоду в эту «оценку» дополнительно указывает на важность сна Тэсона как поворотного момента в сюжете соответствующего предания.

Сюжеты этой подгруппы также являются достаточно универсальными, отражая распространенную веру в возможность встречи со сверхъестественными существами во сне. Дальневосточная специфика этих повествований выражается разве что в их буддийской окрашенности, поскольку чудесные визитеры обсуждают со своими земными собеседниками по преимуществу вопросы, имеющие отношение к накоплению благих заслуг.

2.2. Сюжеты, в которых герой встречается с просветленным существом — Буддой, бодхисаттвой или буддийским святым.

2.2.1. Простое явление Будды или бодхисаттвы (без прямых устных наставлений или предписаний), автоматически побуждающее сновидца к добру или свидетельствующее о его (или чьей-либо еще) добродетельности.

§ 64. Ханьский император Мин-ди был растроган вещим сном, благодаря чему «[волны] Закона Будды хлынули [на] восток» (Ирён 2018: 461). Это отсылка к зафиксированной в «Жизнеописаниях достойных монахов» (*Гао сэн чжуань*) легенде о сне Мин-ди, побудившем этого императора отправить на запад посланцев ради обретения дотеле неведомого в Китае Закона Будды (Хуэй-цзяо 1991: 100–101).

§ 84. Когда подвижники Пудык и Пакпак решили стать отшельниками, они одновременно ночью увидели во сне, что с запада к ним протянулось сияние от пушинок на челе Будды, а явившаяся из этого сияния рука Будды погладила их по макушке. После этого они ушли от мира. Впоследствии им наяву явился бодхисаттва Авалоки-тешвара в образе юной девушки — Пакпак ее прогнал, а Пудык из сострадания дал приют. В результате сначала Пудык, а затем (с его помощью) и Пакпак стали Буддами (Ирён 2018: 558–563).

§ 116/1. Рабыня Унмён однажды пришла на гору Хага-сан, где удостоилась чудесного отклика во сне и затем почувствовала стремление к Пути. Впоследствии, усердно памятуя о Будде Амитабхе, она возродилась в его Чистой земле (Ирён 2018: 742–743). Содержание этого «чудесного отклика», однако, в тексте СЮ не расшифровывается.

2.2.2. Явление Будды или бодхисаттвы со словесно высказанной просьбой, повелением или обещанием.

§ 77. Наставнику Сэнъи пригрезился некий монах, который повел его на гору Нам-сан и по пути велел связывать траву. Приведя Сэнъи в ущелье, монах сказал, что он закопан в этом месте, и попросил Сэнъи откопать его и поместить на перевале. Проснувшись, Сэнъи пошел на гору, следуя своим меткам (чудесным образом переместившимся из сна в реальность), на указанном месте выкопал каменную статую бодхисаттвы Майтреи и построил для нее храм на перевале (Ирён 2018: 519–520). Добавим, что речь идет о весьма почитаемом буддийском изображении, упоминаемом и в других преданиях СЮ (§ 44).

§ 79/2. Наставнику Сонтхэ, собравшемуся было оставить свой храм из-за отсутствия средств к существованию, явился в мимолетном сне бодхисаттва Авалокитешвара, который попросил его повременить с уходом. Вскоре в монастырь пришли миряне-милостынедатели с дарами, собранными по просьбе монаха-проповедника из этого монастыря. Монахи удивились, поскольку они никого не посылали на проповедь, и тогда миряне опознали приходившего к ним монаха в чудотворной статуе Авалокитешвары (Ирён 2018: 525–527).

§ 83. Желавший наяву узреть бодхисаттву Майтрею наставник Чинчжа увидел во сне некоего монаха, который порекомендовал ему отправиться в монастырь Сувонса. У ворот этого монастыря Чинчжа встретил прекрасного юношу, назвавшегося уроженцем столицы. По совету монахов Чинчжа пошел в расположенные поблизости горы, но местный дух, представ перед ним в образе старца, объяснил, что в действительности тот уже увидел Майтрею в облике юноши у ворот. Чинчжа вернулся в столицу и начал поиски этого юноши, увенчавшиеся успехом. Юноше была дарована высокая должность, и Чинчжа несколько лет служил ему, пока тот не исчез неведомо куда (Ирён 2018: 552–555).

§ 86/1. Наставник Помиль встретил в китайском монастыре Кайго-сы монаха-шраманеру с покалеченным левым ухом. Этот монах, назвавшийся земляком Помилия, попросил его впоследствии навестить его, но по возвращении на родину тот не выполнил его просьбу. Однажды Помиль увидел во сне, что этот монах ночью пришел к нему под окно с напоминанием об их уговоре. Проснувшись, наставник отправился в указанное место и нашел там под мостом в воде каменную статую бодхисаттвы Чончхви⁵, у которой было покалечено левое ухо. Помиль построил храм и поместил в нем эту статую (Ирён 2018: 570–572).

§ 88. Наставник Чачжан, желавший встретиться с бодхисаттвой Манджушри, после семидневного моления перед изображением этого бодхисаттвы в китайских горах Утай-шань увидел во сне, что великий совершенномудрый (Манджушри?) вручил ему санскритскую строфу-гатха. По пробуждении Чачжан встретил некоего монаха, который истолковал ему эту строфу, а также передал ему оплечье-кашья, чашу-патра и осколок головной кости Будды. Разъяснив Чачжану, что тот может увидеть десять тысяч проявлений бодхисаттвы Манджушри в расположенных в Силла горах Одэ-сан⁶, монах исчез (Ирён 2018: 589–591).

§ 103/3. Другая версия этого же предания: Чачжан вознес в китайских горах Цинлян-шань⁷ мольбы перед статуей бодхисаттвы Манджушри, после чего увидел во сне,

⁵ Бодхисаттва Чончхви — персонаж «Великой сутры широкого распространения [о] величии цветка Будды» (*Да фан гуан Фо хуа янь цзин*), где он выступает в роли одного из наставников юноши Судханы (*Да фан гуан Фо хуа янь цзин* 1925: 367b9–368a1).

⁶ Название гор Одэ-сан пишется теми же иероглифами, что и название гор Утай-шань (五臺山).

⁷ Цинлян-шань — другое название гор Утай-шань.

что статуя, погладив его по макушке, вручила ему санскритскую строфу-*гатха*. Пробудившись, Чачжан встретился с неким необычным монахом, разъяснившим ему смысл этой строфы, а также вручившим ему оплечье-*кашья*, реликвии-*шарира* и другие предметы. После этого монах исчез, и Чачжан понял, что удостоился от совершенномудрого (Манджушри?) предсказания о грядущем обретении Пути (Ирён 2018: 660).

§ 103/4. В старости Чачжан отправился в монастырь Суда-*са*, где ему явился во сне некий монах, во всем подобный его чудесному собеседнику с гор Утай-*шань*. Монах назначил Чачжану встречу наяву, и наутро Чачжан встретил в указанном месте бодхисаттву Манджушри. В ответ на просьбу Чачжана о наставлениях тот обещал увидеться с ним еще раз в горах Тхэбэк-*сан*. Чачжан поселился в этих горах, и там к его келье однажды пришел одетый в рваную монашескую одежду старый мирянин, который нес в корзине дохлую собачонку. Сначала прислужник Чачжана, а потом и сам Чачжан приняли его за безумца. Тогда мирянин вытряхнул собачонку из корзины, и она превратилась в львиный престол. Преобразившись, мирянин воссел на него и удалился прочь. Чачжан побежал следом, не смог догнать бодхисаттву и умер (Ирён 2018: 667–668).

§ 103/5. Подытоживающая содержание параграфа стихотворная «оценка» Ирёна, где есть такие строки:

Когда-то [в] Цинлянь [он] направил [свой путь].
Сон кончен. Вернулся [назад].
Разделов семи [и] соборов [всех] трех
[значение] раскрылось тотчас (Ирён 2018: 669).

Эта «оценка» подчеркивает значимость чудесного сна Чачжана в горах Утай-*шань* (Цинлянь-*шань*) как ключевого этапа духовного пути этого подвижника — момента, когда была утверждена его духовная связь с бодхисаттвой Манджушри.

Сюжеты этой подгруппы на первый взгляд кажутся внешне сходными с уже знакомыми нам повествованиями, в которых сон, предшествуя реальным событиям, предвещает дальнейшую судьбу героя (подгруппы 1.1 и 1.2) или влияет на его поведение (подгруппа 2.1). При более внимательном рассмотрении этих сюжетов, однако, обращают на себя внимание некоторые их особенности, плохо укладывающиеся в стандартную схему предания о «вещем сне»:

1) в некоторых преданиях встречи героя с персонажем буддийского пантеона во сне и затем наяву фактически дублируют друг друга: герой оба раза общается с одним и тем же собеседником. Ярким примером таких эпизодов служат повествования о явлениях бодхисаттвы Манджушри наставнику Чачжану (§ 88, 103/3, 103/4). Что мешало чудесному собеседнику ограничиться одной-единственной встречей (или во сне, или наяву)?

2) в тех случаях, когда персонажи буддийского пантеона имели намерение побудить людей совершить какое-то конкретное действие, зачем им надо было являться своим собеседникам лично, если это можно было бы сообщить в обычном сновидении, замаскировав его под «вещий» сон? Забегая вперед, отметим, что в СЮ одно построенное по такой схеме предание действительно есть — это история о том, как бодхисаттва Авалокитешвара вразумил молодого монаха Чосина (§ 86/2);

3) В повествовании о наставнике Помиле (§ 86/1) использована схема вида «явь → сон → явь». Зачем здесь добавлена начальная встреча наяву?

Ответ на эти вопросы, возможно, следует искать в традиционных общебуддийских представлениях о встречах с просветленными существами. Вера в возможность подобных встреч обосновывается авторитетом многих сутр, среди которых мы для простоты сошлемся всего на одну, а именно на «Проповедованную Буддой сутру Амитаюса» (*Фо шо Улянишоу цзин*), косвенным образом упоминаемую в § 115. Согласно этой сутре, способ общения с Буддами и бодхисаттвами (во сне или наяву) четко соотносится со степенью духовной зрелости человека: подвижники высокого уровня могут видеть просветленных существ наяву, в то время как обычные верующие — лишь во сне (Проповедованная Буддой сутра Амитаюса 2021: 134–138).

Можно предположить, что в сюжетах интересующей нас подгруппы на универсальную базовую схему «вешего» сна накладывается буддийское представление о том, что встреча с персонажами буддийского пантеона во сне соответствует более низкому уровню духовного развития героя, а встреча наяву — более высокому. Таковы повествования об императоре Мин-ди и «золотом человеке» (§ 64), наставнике Сэнги и статуе бодхисаттвы Майтреи (§ 77), наставнике Сонтхэ и статуе бодхисаттвы Авалокитешвары (§ 79/2), монахе Чинчжа и бодхисаттве Майтрее (§ 83), наставнике Чачжане и бодхисаттве Манджушри (§ 88, 103/2, 103/4), в которых сновидение, предваряя основную встречу героя с просветленными существами, подготавливает⁸ его (и читателя) к последующему кульминационному пункту повествования — явлению Будды или бодхисаттвы. Подобный порядок событий наглядно показывает продвижение героя по этапам духовного развития и способствует нарастанию пафоса повествования. Интересно, что в некоторых эпизодах это нарастание продолжается и далее — после встречи с Буддой или бодхисаттвой герой сам становится просветленным существом. В число таких преданий входят сообщения о подвижниках Пудыке и Пакпаке (§ 84), а также, вероятно, о рабыне Унмён (§ 116/1), хотя в оригинале последнее изложено предельно кратко и с трудом поддается расшифровке.

Особого внимания заслуживает развитие сюжета в предании о встрече монаха Помили с бодхисаттвой Чончхви, где первый контакт героя с бодхисаттвой происходит сразу же наяву, но небрежное отношение Помили к просьбе бодхисаттвы приводит к снижению способности этого монаха общаться с просветленными существами (и, соответственно, повторная встреча происходит уже во сне), после чего раскаявшийся Помиль снова достигает такого уровня, на котором возможно общение с этим бодхисаттвой (в образе его чудесной статуи) наяву (§ 86/1).

3. Повествования, не полностью соответствующие критериям перечисленных выше категорий.

3.1. Упоминания сновидений в сюжетных повествованиях и сопровождающих их стихотворных «оценках».

⁸ Заметим, впрочем, что эта подготовка помогала герою далеко не всегда — так, монах Чинчжа сначала не опознал бодхисаттву Майтрею в образе земного юноши, но затем благодаря своей скромности и искренности заслужил повторную встречу с этим бодхисаттвой (§ 83). Равным образом, наставник Чачжан в первый раз смог узнать бодхисаттву Манджушри, а во второй раз (хотя получил соответствующие инструкции даже не во сне, а наяву) из-за своего высокомерия не сумел этого сделать (§ 103/4).

§ 60/3. Чиновник эпохи Корё, который попытался изъять в пользу государства часть земель, приписанных к заупокойному храму государя Суро-вана, увидел вечером во сне, что демоны подвергли его казни. Пробудившись, этот чиновник умер (Ирён 2018: 433–434). Это предание, в котором герой общается с потусторонними существами, имеет некоторое внешнее сходство с сюжетами подгруппы 2.1 (хотя цели повлиять на дальнейшее поведение сновидца эти существа явно не имеют), и при этом оно наглядным образом предвещает скорую смерть героя, что сближает его с сюжетами подгруппы 1.1. С функциональной точки зрения это предание, находящееся в § 60 в ряду сообщений о чудесах, совершившихся у гробницы Суро-вана, представляет собой недвусмысленное предостережение прочим желающим посягнуть на имущественные права потомков правящего рода Карак.

§ 79/1. Китайский император хотел незаслуженно казнить одного художника, но согласился помиловать его, если тот нарисует образ, явившийся императору накануне во сне. Художник нарисовал одиннадцатиликого Авалокитешвару, и оказалось, что именно он и пригрезился императору. После этого художник получил помилование (Ирён 2018: 522–524). Это предание сходно с повествованиями о встречах с просветленными существами (подгруппа 2.2), но не вполне: хотя в нем и упоминается о явлении Авалокитешвары императору во сне, в тексте нет указаний, что бодхисаттва при этом преподавал какие-либо наставления — например, попросил освободить невинно пострадавшего художника. Поведение же этого последнего, воззвавшего наиболее естественным для него способом (с помощью красок и кисти) именно к Авалокитешваре, было вполне предсказуемым, ибо этот бодхисаттва почитается, в частности, как спаситель от уз и тюрьмы, на что прямо указывает базовый канонический текст, связанный на Дальнем Востоке с культом Авалокитешвары — XXV глава «Сутры цветка лотоса чудесного Закона» (*Мяо фа лян хуа цзин*) (Сутра о Бесчисленных Значениях 1998: 286–287).

§ 86/2. Молодой монах Чосин молил бодхисаттву Авалокитешвару помочь ему жениться на любимой девушке⁹. Забывшись дремой в храме перед статуей этого бодхисаттвы, Чосин увидел во сне, что ждет его в случае осуществления этого желания — вплоть до охлаждения чувств в старости и развода с женой. Проснувшись, он отправился на то место, где во сне похоронил своего сына, и нашел в земле каменное изваяние бодхисаттвы Майтреи. После этого Чосин оставил земные помышления и полностью посвятил себя духовной практике (Ирён 2018: 575–579). В этой легенде сочетаются элементы сюжетов подгрупп 2.2 и 1.1: сновидение Чосина свидетельствует о его контакте с бодхисаттвами Майтреей, принявшим обличье его сына, и Авалокитешварой, ниспославшим ему этот сон, но при этом Чосину представляются во сне дальнейшие события его жизни (хотя и не являющиеся неизбежными, ибо он, пробудившись, оказывается в состоянии изменить свою судьбу).

Уподобление феноменального бытия сну широко распространено в буддийской литературе. Так, в уже цитировавшейся нами «Проповеданной Буддой сутре Амитаюса» говорится:

Полностью пробудившись [к пониманию], [что] все до одной дхармы совершенно подобны сну, иллюзии и эху,
[Они] (бодхисаттвы. — Ю.Б.) вполне осуществят все [свои] чудесные обеты и непременно создадут подобные этому поля-*киетра* (Проповеданная Буддой сутра Амитаюса 2021: 141).

⁹ Излишне говорить, что буддийские монашеские обеты предполагают строгое целомудрие.

В древнекитайской (особенно даосской) литературе также присутствуют мотивы иллюзорности жизни и зыбкости грани между сном и реальностью — как, например, в эпизоде из трактата «Чжуан-цзы», эпоним которого, увидев себя во сне в образе бабочки, не мог по пробуждении понять, кто он — Чжуан-цзы, которому приснилось, что он бабочка, или же бабочка, которой снится, что она Чжуан-цзы (Чжуан-цзы 2005: 35).

Что касается конкретно этого предания Сю, то его сюжет содержит явные параллели с танской новеллой «Записки из изголовья» (*Чжэнь чжун цзи*), повествующей о юноше, который, пока на очаге варилась каша, успел увидеть во сне всю свою последующую жизнь, полную взлетов и падений, и, пробудившись, постиг тщету земных стремлений¹⁰.

§ 86/3. Поэтическая «оценка» Ирёна, целиком построенная на мотиве «жизнь-сон»:

Приятная встреча — и сердцу легко,
 [но лишь на] один [только] миг.
 [Совсем] незаметно среди многих скорбей
 стареет седеющий лик.
 [И] стражи [одной] не пришлось подождать —
 сварившись, желтеет пшено.
 Страдания жизни тотчас осознал
 [за] время [лишь] сна одного.
 [В] трудах [над] собою успех-неуспех
 зависит [от] сердца глубин.
 [О] нежных бровях [снятся] сны бобылю,
 [а] вор [о] деньгах [видит] сны.
 [Уж] осень пришла. Ясной ночью [одной]
 какой сон [его посетил]?
 Совсем ненадолго сомкнул [он] глаза —
 [и в горы] Цинлянь¹¹ [он] вступил
 (Ирён 2018: 580–581).

§ 93. Некому старому монаху приснилось, что на холме восседает прозревший истину человек и, обратившись к западу, разъясняет Закон своим слушателям. Монах никому не рассказал об этом сне, но впоследствии на том месте был действительно воздвигнут великолепный храм (Ирён 2018: 617). Это повествование соединяет элементы сюжетов подгрупп 2.2 и 1.1: с одной стороны, монах услышал во сне проповедь «прозревшего истину человека», но, с другой стороны, содержание этой проповеди в Сю не раскрывается, и, более того, подчеркивается, что монах утаил этот сон от людей (т.е. момент императивности в этом сновидении, если он и имелся, был нейтрализован последующим бездействием сновидца).

§ 103/2. Наставник Чачжан в юности предавался аскезе в горах, и однажды ему приснилось, что небожитель в облике человека вручил ему пять обетов. После этого Чачжан стал давать обеты всем желающим (Ирён 2018: 660). Здесь комбинируются мотивы подгрупп 2.1 и 2.2: собеседником Чачжана выступает небожитель (т.е. непросветленное существо), но он при этом вручает Чачжану пять обетов (т.е. оказывается носителем Дхармы).

¹⁰ Об этой новелле см. (Алимов, Кравцова 2014: 1027–1032).

¹¹ В данном случае упоминание гор Цинлянь-шань (обители бодхисаттвы мудрости Манджушри) используется в качестве метафоры духовного прозрения.

Поскольку сюжеты этой подгруппы представляют собой комбинации уже рассмотренных нами мотивов, они едва ли нуждаются в отдельном анализе.

3.2. Упоминания о сновидениях в «оценках», которые завершают параграфы, не содержащие сообщений о снах. Образ сновидения обычно выступает в них в качестве метафоры иллюзии или грезы.

§ 104/2. Намек на мимолетный роман Вонхё и царевны из дворца Ёсок-кун:

Сияет луна [над покоем] Ёсок —
[от глаз] сон весенний бежит
(Ирён 2018: 676).

§ 128. Указание на эпизод из биографии преданного подданного Синчхуна, который удалился от мира, чтобы силой своих благих заслуг обеспечить счастье государю:

[На] том берегу есть [один] горный [скит] —
[мне] часто являлся [среди] снов
(Ирён 2018: 787).

§ 129. Описание жизни двоих отшельников на лоне природы:

[И в] грезах¹² души не пленялись [они]
оковами славы мирской
(Ирён 2018: 791).

Поскольку эти упоминания используются исключительно для украшения текста, мы не будем их рассматривать.

Подводя итоги сказанному, отметим, что при рассмотрении связанных со сновидениями сюжетов СЮ нам удалось выявить 28 параграфов, содержащих соответствующие сюжеты, и наметить их общую классификацию по трем большим группам. Предания первой группы повествуют о сновидениях, предсказывающих различные события. Эти повествования, отражающие универсальную веру в «вещие» сны, могут, однако, в некоторых случаях служить источником информации о специфически дальневосточной системе образов и ассоциаций. Во вторую группу вошли сообщения о сновидениях, в которых герой получает предписания от различных сверхъестественных существ. Если собеседником героя является непросветленное существо, то эти сюжеты могут быть интерпретированы как проявление универсальной веры в возможность контакта со сверхъестественными существами во сне. В тех же сюжетах, где собеседником героя является Будда или бодхисаттва, на базовую схему повествования о «вещем» сне, вероятно, накладываются буддийские представления о взаимосвязи уровня духовного развития человека со способом явления ему персонажей буддийского пантеона. Наконец, третью группу составили предания, не полностью соответствующие критериям двух предшествующих категорий. Все эти предания могут послужить ценным источником информации по корейским религиозным верованиям, а также о традиционной духовной культуре Кореи в целом.

Литература

- Алимов, Кравцова 2014 — *Алимов И.А., Кравцова М.Е.* История китайской классической литературы с древности и до XIII века: поэзия, проза. В 2 ч. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014.
- Да фан гуан Фо хуа янь цзин 1925 — Да фан гуан Фо хуа янь цзин 大方廣佛華嚴經 (Великая сутра широкого распространения [о] величии цветка Будды) // Тайсё синсю Дайдзёкё 大正新修大藏經 (Трипитака, вновь исправленная [в годы] Тайсё). Токио 東京: Тайсё синсю Дайдзёкё канкё кай 大正新修大藏經刊行會, 14-й год Тайсё [1925]. Т. 10. № 279. С. 1–444.
- Ирён 2018 — *Ирён.* Оставшиеся сведения [о] трех государствах (Самгук юса) / Пер. с ханмуна, вступит. ст., коммент. и указ. Ю.В. Болтач. СПб.: Гиперион, 2018.
- Никитина 1982 — *Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом / Отв. ред. Л.Р. Концевич. М.: Наука, ГРВЛ, 1982 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- Проповедованная Буддой сутра Амитаюса 2021 — Проповедованная Буддой сутра Амитаюса (Фо шо Уляншоу цзин): «Большая Сукхавативьюха сутра» в китайском переводе Кан Сэн-кая / Пер. с кит., вступит. ст., коммент. и указ. Ю.В. Болтач. СПб.: Гиперион, 2021.
- Сутра о Бесчисленных Значениях 1998 — Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / [Пер. с кит., коммент., заключительная ст., словарь, список сутр и трактатов] А.Н. Игнатовича; науч. ред., пер. С.Д. Серебряный; вступит. ст. С.Д. Серебряного. М.: Янус-К, 1998.
- Сыма Цянь 1972 — *Сыма Цянь.* Исторические записки («Ши цзи»). Т. 1 / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина; под общ. ред. Р.В. Вяткина; вступит. ст. М.В. Крюкова. М.: Наука, ГРВЛ, 1972 (Памятники письменности Востока XXXII, 1).
- Хуэй-цзяо 1991 — *Хуэй-цзяо.* Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань). В 3 т. / Пер. с кит., исслед., коммент. и указ. М.Е. Ермакова. Т. I (Разд. 1: Переводчики) / Отв. ред. Л.Н. Меньшиков. М.: Наука, ГРВЛ, 1991 (Памятники письменности Востока ХСІХ, 1; Bibliotheca Buddhica XXXVIII).
- Чжуан-цзы 2005 — Чжуан-цзы / Пер. с кит. Л.Д. Позднеева; предисл. Е.А. Торчинова. СПб.: Амфора, 2005.
- Шицзин 1987 — *Шицзин:* Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А. Штукина. Подгот. текста и вступит. ст. Н. Федоренко; коммент. А. Штукина. М.: Худ. лит., 1987.

References

- Alimov, Igor A. & Kravtsova, Marina E. *Istoriia kitaiskoi klassicheskoi literatury s drevnosti i do XIII veka: poeziia, proza* [A History of Chinese Classic Literature from Antiquity to the 13th Century: Poetry, Prose]. In 2 parts. St. Petersburg: Peterburgskoie Vostokovedenie, 2014 (in Russian).
- Chzhuan-tszy [Zhuangzi]*. Translation from Chinese by L.D. Pozdneeva; Introduction by E.A. Torchinov. St. Petersburg: Amfora, 2005 (in Russian).
- “Da fang guang Fo hua yan jing” 大方廣佛華嚴經 [Flower Garland Sutra]. In: *Taishō shinshū Daizōkyō* 大正新修大藏經 (Taishō Tripitaka). Tokyo 東京: Taishō shinshū Daizōkyō kankō kai 大正新修大藏經刊行會, Taishō 14 [1925], vol. 10, no. 279, pp. 1–444 (in Chinese).
- Iren. *Ostavshiesia svedeniia [o] trekh gosudarstvakh (Samguk iusa)* [Memorabilia of the Three Kingdoms (*Samguk yusa*)]. Translation from Hanmun, Introduction, Commentary and Indexes by Iuliia V. Boltach. St. Petersburg: Hyperion, 2018 (in Russian).
- Khuei-tsziao. *Zhizneopisaniia dostoinykh monakhov (Gao sen chzhuan')* [Memoirs of Eminent Monks (*Gao seng zhuan*)]. In 3 vols. Translation from Chinese, Study, Commentary and Indexes by Mikhail E. Ermakov. Vol. I (Part 1: Translators). Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1991 (in Russian).

- Nikitina, Marianna I. *Drevniaia koreiskaia poeziia v sviazi s ritualom i mifom* [Ancient Korean Poetry in Relation to Ritual and Myth]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1982 (in Russian).
- Propovedovannaia Buddoi sutra Amitaiusa (Fo sho Ulianshou tszin): "Bol'shaia Sukkhavativ'iukha sutra" v kitaiskom perevode Kan Senkaia* [The Sūtra of Amitāyus preached by the Buddha (*Fo shuo Wuliangshou jing*): The Longer *Sukhāvātīyūha* Sūtra in Kang Sengkai's Chinese Translation]. Translation from Chinese, Introduction, Commentary and Indexes by Iuliia V. Boltach. St. Petersburg: Hyperion, 2021 (in Russian).
- Shitszin: Kniga pesen i gimnov* [*Shijing*: The Book of Songs and Odes]. Translation from Chinese by A. Shtukin, Preparation of the Text and Introduction by N. Fedorenko, Commentary by A. Shtukin. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1987 (in Russian).
- Sutra o Beschislennykh Znacheniiakh. Sutra o Tsvetke Lotosa Chudesnoi Dkharmy. Sutra o Postizhenii Deianii i Dkharmy Bodkhisattvy Vseob"emliushchaia Mudrost'* [The Innumerable Meanings Sūtra. Sūtra on the White Lotus of the True Dharma. Samantabhadra Meditation Sūtra]. Ed. by A.N. Ignatovich; [Scientific Editor of the Translation S.D. Serebrianyi; Introduction by S.D. Serebrianyi]. Moscow: Ianus-K, 1998 (in Russian).
- Syma Tsian'. *Istoricheskie zapiski* ("Shi tsi") [Records of the Grand Historian (*Shiji*)]. Vol. 1. Translation from Chinese and Commentary by R.V. Viatkin and V.S. Taskin; under the General Supervision by R.V. Viatkin; Introduction by M.V. Kriukov. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1972 (in Russian).

Dreams in the Narratives of the *Memorabilia of the Three Kingdoms*

Iuliia V. BOLTACH

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 26.12.2021.

Abstract: The article presents a classification and analysis of references to dreams in the *Memorabilia of the Three Kingdoms* (*Samguk yusa*)—an extensive systematized collection of materials on the history of Korea from ancient times to the end of the 13th century, which was composed by the Korean Buddhist monk Iryeon (1206–1289). According to the functions of these references in the text and to the degree of their exposure to Buddhist influence, they are classified into two groups: “figurative dreams”, graphically and unambiguously predicting inevitable future events, and “dreams-conversations”, in which supernatural beings seek to influence the behavior of the hero. These two groups are further subdivided into several subgroups, among which special attention is paid to the stories about interactions between human beings and the characters of the Buddhist pantheon. On the basis of the Buddhist canon, it is suggested that the Buddhist concept of correlation between the way of such an interaction (in a dream or in reality) and the degree of spiritual maturity of the practitioner is superimposed here on the universal scheme of “prophetic dreams”.

Key words: early Korean Buddhism, dreams, *Memorabilia of the Three Kingdoms*.

For citation: Boltach, Iuliia V. “Dreams in the Narratives of the *Memorabilia of the Three Kingdoms*”. *Pis'mennoye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 2 (iss. 49), pp. 37–50 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO106544.

About the author: Iuliia V. BOLTACH, Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (iulia.boltach@gmail.com). ORCID: 0000-0001-9325-7101.